

Единственный антагонистический формационный уклад, который способен сформироваться в недрах предклассового общества — это политарный. В этом смысле раннеазиатское общество есть одна из разновидностей предклассового общества. Однако имеются определенные основания полагать, что формирование политарного уклада в недрах предклассового общества — это лишь один из двух основных вариантов становления политарного общества. Наиболее ярко он представлен Египтом.

При другом варианте развития, возможно, представленным Древним Шумером, политарный уклад не становится господствующим не только в предклассовом обществе, но и на начальном этапе классового общества. В таком случае о начальном этапе классового общества также можно говорить как о раннеклассовом обществе. Но общество данного периода раннеазиатским назвать нельзя, ибо данный уклад еще не господствует.

Таким образом, раннеклассовым обществом мы называем начальный этап эволюции классового общества, для которого характерно отсутствие господствующего формационного уклада. Что же касается предклассового общества, то мы предпочитаем его характеризовать как общество переходное от первобытного к классовому без дальнейших уточнений, ибо существует несколько различных его типов, причем не все они обязательно предполагают существование классовой антагонистической структуры.

А. И. Першиц

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Как автор и предполагал, проведенное обсуждение существенно помогло в подготовке намеченного сборника материалов к понятийно-терминологическому словарю. Оно высветило несколько крупных вопросов, в одних случаях позволяя автору утвердиться в изложенной им точке зрения, в других — заставляя его заново продумать позицию, уточнить формулировку, и т. п. Остановлюсь на этих вопросах в порядке их значимости.

1. Ю. В. Бромлей предлагает оговорить, что в названии намеченного к изданию сборника «Социально-экономическая организация и соционормативная культура» термин *социальный* применен в своем узком, а не широком значении. Такая оговорка не мешает, хотя, как правильно отмечает сам же Ю. В. Бромлей, словосочетание *социально-экономический* автоматически указывает на узкое, а не широкое понимание социальности. Более существенным представляется поднятый им вопрос о правомерности термина *соционормативная культура* для обозначения «таких институтов, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры» (с. 71). Строго говоря, этот термин удачным признать нельзя. Он введен теми, кто различает наряду с материальной и духовной культурой третий компонент — социальную (в узком смысле слова) культуру, т. е. социальные институты. Но последние не сводятся к нормам, а делятся на структуры (скажем, община, род, семья) и нормы (например, мораль или право). Стало быть, этот третий компонент культуры правильнее называть не *соционормативной культурой*, а *культурой социоинститутной* или *социоинституционной*. И если бы автор не убоился обвинения во введении еще одного нового термина, то он воспользовался бы именно термином *социоинституционная культура* вместо очень неточного (но зато уже привычного!) термина *соционормативная культура*. Может быть, вообще следует назвать сборник иначе: «Социально-экономические отношения и институты».

2. По вопросу о принципах отбора терминов большинство участников дискуссии поддержало предложенные автором критерии, и лишь С. А. Арутюнов высказался за замену псевдообъективных рассуждений честной интуицией. Под интуицией в нашей философии обычно понимают такой скачок на пути к истине, который совершается на основе уже накопленного опыта. Располагают ли советская этнография и этнография ГДР опытом в подготовке понятийно-терминологических словарей? Как известно, нет, и уже одно это решает поднятый С. А. Арутюновым вопрос.

3. Равным образом большинство участников обсуждения согласно между собой в том, что надо стремиться к реализации принципа «одно понятие — один термин». Менее ясна позиция опять-таки С. А. Арутюнова. С одной стороны, он считает этот принцип идеалом, хотя и едва ли достижимым в обозримом будущем, и с этим нельзя не согласиться. С другой стороны, он старается показать на примере термина *раннеклассовое общество* целесообразность сохранения за ним трех разных значений, «широкого семантического поля». Такая позиция представляется противоречивой.

4. Необходимость в обновлении понятийно-терминологического аппарата оказалась достаточно очевидной, и здесь обсуждение пошло по пути главным образом отдельных уточнений, дополнений и т. п. по поводу приведенных примеров или же перечня глосс. Связанные с этим замечания в основной своей массе очень полезны. Так, нельзя не согласиться с Л. Е. Куббелем в том, что словник целесообразно пополнить термином *военная иерархия*, или с Г. Е. Марковым, что статьи «Военная демократия», «Матриархат» могли бы быть более информативны. В то же время совет последнего из названных оппонентов заменить термины *патрилинидж*, *матрилинидж*, *редистрибуция*, *реципрокация* подходящими русскими терминами мог бы быть более конкретным. Можно, конечно, заменить *редистрибуцию* и *реципрокацию* *перераспределением* и *взаимностью*, но это было бы настолько же неадекватно, как и, например, замена международного термина *виктимность* русской калькой *жертвенность*. Наконец, совершенно прав С. А. Арутюнов, призывая к корректности терминотворчества, и можно только пожалеть, что почти все приводимые им примеры не имеют отношения к нашему перечню глосс. Единственное исключение — *линидж*, но как раз здесь логика предложения заменить англицизм *линидж* галлицизмом *линеаж* совершенно непонятна.

5. Значительная часть отклика Г. Е. Маркова посвящена терминам, связанным со скотоводством, которыми он предлагает пополнить словник. «В частности, — пишет он, — отсутствуют термины *номад* (*кочевник*), *скотовод* и др., хотя иерархически аналогичные термины в словнике приведены (например, *крестьянство*)». Такая постановка вопроса представляется неточной. *Скотоводы* в терминологической таксонимике не равнозначны *крестьянам*: они, как и *земледельцы*, — часть *крестьян*, а *номады* — часть *скотоводов*. Что касается всех других предлагаемых Г. Е. Марковым терминов, то они не имеют отношения к данному блоку словаря, так как все являются не социально-экономическими, а чисто хозяйственными.

6. Несколько особняком стоит отклик Ю. И. Семенова. Он целиком посвящен понятию *раннеклассового общества*, а именно защите понимания последнего как общества равноукладного. При этом Ю. И. Семенов формулирует свою позицию следующим образом: «Под предклассовым обществом он [А. И. Першиц] понимает такое, которое уже обладает антагонистической классовой структурой, но в котором еще отсутствует господствующий антагонистический способ производства. Под раннеклассовым обществом он понимает такое, в котором определенный антагонистический способ производства хотя и продолжает еще формироваться, но тем не менее является уже господствующим» (с. 82). Вторая из этих идей передана верно, первая же приписывается мне без каких-либо оснований и представляется неверной. Как же может быть

ереклассовым общество, которое обладает не просто отношениями эксплуатации, а антагонистической классовой структурой? Я такой возможности не допускаю и лишь писал о тех, кто смешивает раннеклассовое общество с предклассовым. Что касается второй идеи, то доводы Ю. И. Семенова меня не убедили. Все они так или иначе в конечном счете сводятся к развиваемой им концепции азиатского (политарного) способа производства как первого универсально-исторического антагонистического способа производства, но это положение само по себе остается недоказанным. Утверждение, что «единственный антагонистический формационный уклад, который способен сформироваться в недрах предклассового общества,— это политарный» (с. 85), по меньшей мере грешит излишней категоричностью. И подход к делу под такого рода углом зрения особенно нежелателен в энциклопедическом словаре, где преимущественное внимание должно быть уделено преобладающим в современной науке взглядам. В то же время отклик Ю. И. Семенова полезен в том отношении, что побуждает четче указать в статье на начальный и конечный рубежи раннеклассового общества: в первом случае — тот же, что и всякого классового общества, во втором — полная победа господствующего способа производства.

В заключение одно общее соображение. В последнее время, можно сказать, вошло в традицию, что участники обсуждений в «Советской этнографии» пользуются случаем высказать те или иные заветные мысли, не относящиеся к существу обсуждаемых вопросов. Это удобно: в кратком отклике аргументировать свою мысль не обязательно, да и вообще спрос с отклика совсем не тот, что со статьи. К сожалению, и здесь затронуты вопросы, не имеющие отношения к существу данного обсуждения. Какую бы ценность ни представляли отдельные идеи (скажем, о систематике скотоводческой терминологии), взятые сами по себе, они уместны лишь на своем месте, т. е. там, где излагаются или обсуждаются соответствующие вопросы. Привносить их в дискуссию по другим проблемам — значит, привносить в дискуссию элементы ее симуляции. Думается, что в будущем следует уделять больше внимания целенаправленности предпринятых обсуждений не только в целом, но и в отдельных частях.